

*И.Э. Магадеев\**

**ОБРАЗ НЕМЦЕВ И РЕАЛИИ ФРАНЦУЗСКОЙ  
ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ  
В РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ 1918–1930 гг.**

---

Ключевой вопрос статьи – характер и особенности влияния образа немцев на реалии оккупационной политики Франции в Рейнской области после Первой мировой войны. На основе новых архивных источников раскрываются основные черты восприятия немцев французскими властями в Париже и на местах; анализируется эволюция целей и способов реализации французской оккупационной политики; демонстрируются движущие силы последней. Автор приходит к выводу, что при первоочередном значении стратегических и политических факторов, обуславливавших действия французских властей, культурно-психологический «образ другого» также играл немаловажную роль в их формировании и конкретном наполнении.

*Ключевые слова:* Франция, Рейнская область, оккупационная политика, Тирар, Дегутт

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-340-356

---

Опыт французской оккупационной политики в Рейнской области после Первой мировой войны был по-своему уникален для истории франко-германского взаимодействия в XX в. В отличие от двух мировых войн, когда оккупации подвергалась Франция, объектом оккупационной политики после 1918 г. была немецкая территория – прусские провинции Райнланд и Гессен-Нассау, а также Саарская область, имевшая до 1935 г. особый статус территории под управлением Лиги Наций. Франция тогда в военном отношении явно превосходила Германию, ограниченную условиями Версальского договора 1919 г. Сам факт оккупации, по оценке одного из британских дипломатов, был для французского общественного мнения «яркой демонстрацией национального превосходства Франции»<sup>1</sup>. Рассматриваемый период интересен также изменением содержания германской политики Парижа в 1920-е гг.: ставка на максимальное ослабление Германии, характерная для

---

\* *Искандэр Эдуардович Магадеев, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и политики стран Европы и Америки факультета Международных отношений МГИМО МИД России.*

<sup>1</sup> Magowan to Chamberlain, 27.06.27 // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. Ia. Vol. 3. L., 1970. P. 412–413.

внешней политики Франции 1918–1923 гг., сменилась после Локарнских соглашений 1925 г. попыткой достичь франко-германского политического и экономического примирения.

Авторы большинства исследований по данной проблематике акцентируются на стратегическом и дипломатическом измерении французской политики в Рейнской области. Помимо общих аспектов французской и, шире, – союзной оккупации левого берега Рейна, особое внимание обращалось на периодические попытки Парижа в первые 5 лет оккупации разыграть «сепаратистскую карту», на взаимодействие его с британцами и собственно на французское военное присутствие в Германии<sup>2</sup>.

Такой подход вполне объясним: стратегическое значение Рейнской области, действительно, было высоко. Контроль над ней обеспечивал Франции не только «щит» от возможной германской агрессии, о чем неоднократно говорил в 1919 г. глава межсоюзнического Военного комитета французский маршал Ф. Фош, но и отличный плацдарм для возможного продвижения вглубь территории Германии. В марте 1926 г., на фоне постепенного углубления локарнской политики, Фош пессимистично прогнозировал, что уход с левого берега Рейна будет означать переход Франции в изолированное и удаленное от центра Европы положение, когда над ней будут «угрожающе нависать 65 миллионов энергичных немцев»<sup>3</sup>.

При всей важности военно-политических факторов оккупационной политики Франции в Рейнской области, история присутствия в данном регионе французских войск и администрации интересна и опытом межкультурного и социального взаимодействия французских войск с местным немецким населением. Французская оккупационная зона, соседствовавшая с британской, бельгийской и до 1923 г. с американской, была самой крупной по площади (около 75%), «охватывая весь Пфальц на юге, рейнский Гессен и прусский Райнланд вплоть до Мозеля»<sup>4</sup>.

Размышляя в ноябре 1918 г. о распределении оккупационных зон между державами Антанты, Фош изначально исходил из того,

---

<sup>2</sup> См., например: *Jeanneson S. Poincaré, la France et la Ruhr 1922–1924*. Strasbourg, 1998; *Pénicaud E. L'armée française en Sarre, 1918–1930 // Revue historique des armées*. 2009. № 254. P. 20–28.

<sup>3</sup> Note de Foch, 08.03.26 - Service historique de la Défense. Département de l'armée de terre (далее – SHD. DAT). 4N 94. Dossier 7.

<sup>4</sup> *McDougall W. France's Rhineland Diplomacy 1914–1924*. Princeton, 1978. P. 42.

что размер таких зон будет зависеть от численности войск, которые выставит каждая из этих стран<sup>5</sup>. Французский воинский контингент на левом берегу Рейна был самым многочисленным: количество солдат и офицеров колебалось от ок. 90–100 тыс. чел. в 1918–1920 гг. до менее 50 тыс. чел. после 1927 г. Пиковых значений его численность достигала в период оккупаций Рура 1921 г. (230 тыс.) и 1923 г. (165 тыс.)<sup>6</sup>. Созданная по Рейнскому соглашению от 28 июня 1919 г. для управления оккупированной территорией и заседавшая в Кобленце, Межсоюзная высокая комиссия (МВК) с французским представителем П. Тираром во главе обладала широкими полномочиями: она могла издавать декреты, имевшие силу закона, объявлять военное положение на всей или части этой территории и поддерживать контакты с немецкими органами управления и населением.

В отличие от подробных исследований, посвященных военно-политическим аспектам французской «рейнской политики», анализ ее социально-культурного измерения встречается в историографии значительно реже и касается скорее отдельных сюжетов: к примеру, «религиозного фактора» или немецкой пропагандистской кампании против «черного позора»<sup>7</sup>. Обобщающие исследования по французской оккупационной политике в Рейнской области пока редки и представлены отдельными статьями, а не полноценными монографиями<sup>8</sup>.

Для советских и российских исследователей данной проблемы тоже характерен акцент на стратегических и дипломатических аспектах рейнской политики Франции при более слабой в целом разработке этой темы по сравнению с зарубежной историографией. Отдельные сюжеты истории оккупации Рейнской области рассматривались скорее в рамках общего анализа внешней политики Парижа и Берлина в 1920-е гг. и при рассмотрении англо-французских отношений<sup>9</sup>.

<sup>5</sup> Précis of Notes by Foch, 20/11/18 (in G.T. 6337) - The National Archives of Great Britain. Cabinet Office (далее – TNA. CAB) 24/70. Ff. 103–105.

<sup>6</sup> Foch à Laurent, 25.05.23 - SHD. DAT. 4N 94. Dossier 4.

<sup>7</sup> *Le Naour J.-Y.* La Honte noire: L'Allemagne et les troupes coloniales françaises, 1914–1945. P., 2004.

<sup>8</sup> *Beaupré N.* Occuper l'Allemagne après 1918 // *Revue historique des armées*. 2009. № 254. P. 9–19.

<sup>9</sup> См., например: *Никонова С.В.* Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг. М., 1977; *Сорокин Н.Д.* Великобритания в решении «ключевых германских вопросов» в 1918–1923 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012.

Цель данной статьи – выявить роль культурно-психологических факторов в формировании и реализации оккупационной политики французских властей в Рейнской области. На основе материалов ряда французских архивов будет предпринята попытка проследить, как образ немцев, сформировавшийся у французского военного и политического истеблишмента, влиял на конкретные шаги и действия оккупационных властей на левом берегу Рейна.

Образ немцев, сложившийся к 1918 г. у широкого круга французских государственных и военных деятелей, во многом был продуктом долгой истории, которая, однако, по-разному интерпретировалась в зависимости от текущей ситуации. Оккупация Рейнской области воспринималась не только как следствие победы в Первой мировой, но и как своеобразный реванш за немецкую оккупацию после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Французские власти порою упоминали об эпизодах из истории последней, стремясь продемонстрировать более либеральный характер своих действий<sup>10</sup>. Что не менее важно, период после 1871 г. был временем социализации и формирования мировоззренческих установок многих французских деятелей, занимавших в 1920-е гг. высшие государственные и военные посты.

Не удивительно поэтому, что образ немцев у правой и крайне правой частей французского общественно-политического спектра, а также у военных имел ярко выраженное милитаристское и агрессивное содержание. Считалось, что немецкое руководство и значительная часть общества имеют *a priori* экспансионистские намерения и уважают лишь право силы. В феврале 1919 г. французские представители на Парижской конференции пытались убедить союзников отделить от Германии левый берег Рейна, считая, что немецкое присутствие там – гарантия новой агрессии. Французское правительство не доверяло «так называемой немецкой демократии», возглавлявшейся «наиболее активными представителями империализма и милитаризма», к которым были причислены и немецкие социал-демократы (Ф. Эберт и Ф. Шейдеман), и консерваторы (У. Брокдорф-Ранцау), и военные (П. фон Гинденбург)<sup>11</sup>. Схожие оценки высказывали в начале 1920-х гг. как Р. Пуанкаре,

<sup>10</sup> См., к примеру: Tirard à Briand, 12.06.25 - Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее – МАЕ). Série Z. Carton 959. Dossier 2. Vol. 49. F. 23 (109CPCOM).

<sup>11</sup> Mémoire du gouvernement français, 25.02.19 // Documents diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne. P., 1924. P. 22.

имевший репутацию германофоба, так и А. Бриан, ставший после 1925 г. апологетом локарного примирения. Представления о милитаризме немцев и необходимости говорить с ними с позиции силы разделялись дипломатами и военными на местах: и Тирар, и посол в Берлине Ш. Лоран высказывались в аналогичном ключе<sup>12</sup>.

Негативную окраску образа немцев усиливало также значительное влияние французских военных на формирование и реализацию оккупационной политики. Несмотря на то что военное командование союзных войск в Рейнской области, возглавляемое французскими генералами (до 1924 г. Ж. Дегуттом, затем А. Гийомá), официально подчинялось гражданскому органу (МВК), председатель последнего, Тирар, был близок к маршалам Фошу и Ю. Лиотэ и стоял на схожих с ними позициях. Хотя по отдельным вопросам МВК могла высказывать более либеральную точку зрения, чем военное командование<sup>13</sup>, в основе своей они были солидарны в максимально настороженном отношении к немецкому населению и особенно к чиновничеству.

В 1918–1923 гг. подобный образ немцев во многом соответствовал внешнеполитическому курсу Франции, направленному на максимальное ослабление Германии. Во время Капповского путча в марте 1920 г. и спровоцированного им восстания рабочих в Руре, для подавления которого части рейхсвера должны были пройти через демилитаризованную зону, настроения французского генералитета были весьма алармистскими. И Фош, и генерал Ш. Нолле, председатель Межсоюзнической военной комиссии по контролю за разоружением Германии, считали, что речь шла о прямой военной угрозе со стороны рейхсвера, который, по их мнению, мог ударить и по Франции, и в восточном направлении по прибалтийским государствам<sup>14</sup>. Явно преувеличенные опасения использовались и для того, чтобы убедить собственное политическое руководство в необходимости расширить оккупацию Германии, что и произошло: 5 апреля французские части временно заняли пять немецких городов, включая Франкфурт. Демонстрацией жесткости по отно-

<sup>12</sup> Laurent à Briand, 27.04.21 // Documents diplomatiques français (далее – DDF). 1921. Т. 1. Bruxelles, 2004. P. 518.

<sup>13</sup> См., к примеру, обсуждение в 1927 г. немецкого запроса о праве на ношение населением карабинов «Флобер»: Extrait du procès-verbal de la Haute commission interalliée aux territoires rhénans (далее – PV de HCITR), 22.02.27 - Archives Nationales de France (далее – AN), AJ 9/684.

<sup>14</sup> Nolle à Foch, 12/04/20 // DDF. 1920. Т. 1. P., 1997. P. 519–520.

шению к местному населению стало в октябре 1919 г. и решение МВК не указывать минимальный размер наказания за нарушение ее приказов, что должно было послужить устрашению немцев<sup>15</sup>.

Негативный образ немцев в начале 1920-х гг. еще прочнее укрепился как в силу развития ситуации на местах, так и в силу целенаправленной политики французских властей. Периодически вспыхивавшие инциденты между войсками и местным населением вели к человеческим жертвам. Во время оккупации Франкфурта в апреле 1920 г. было убито 9 и ранено 20 жителей города. В период Рурского кризиса 1923 г. число жертв среди немецкого населения (132 чел.) и особенно число высланных с оккупированных территорий (ок. 172 тыс. чел.) были еще больше. Поскольку Рурский кризис стал своего рода эхом Первой мировой войны, он явно способствовал закреплению уже существовавшего образа «наследственного врага».

В локарнский период изменение этого образа немцев происходило медленно и трудно. В аргументации и действиях французских оккупационных властей немцы по-прежнему выглядели потенциальным противником, лишь временно «притаившимся». Когда в марте 1926 г. рейхскомиссар по вопросам оккупированных территорий Э. Лангверт, ссылаясь на «дух Локарно», обратился к МВК с просьбой разминировать ранее заминированные французскими военными мосты и шахты, комиссия не выказала готовности пойти ему навстречу, подчеркивая приоритетность соображений своего армейского руководства<sup>16</sup>.

Французские чиновники и военные находили «немецкую угрозу» в вещах отнюдь не очевидных. В 1927 г. и Тирар, и Гийома не верили в прочность франко-германского примирения. Председатель МВК с большим опасением относился к строительству новых путей и пополнению подвижного состава Немецкой железнодорожной компанией, видя в этом приготовление Германии к войне. Гийома, в свою очередь, потребовал распустить все клубы верховой езды на оккупированных территориях, считая, что они готовят солдат артиллерийских служб для будущей войны<sup>17</sup>.

Опасения у французских оккупационных властей вызывали и немецкие общества спортивной стрельбы. Анализируя итоги 1926 г.,

<sup>15</sup> Extrait PV de HCITR, 28–31.10.19 - AN. AJ 9/818A.

<sup>16</sup> Extrait du PV de HCITR, 20.04.26 - AN. AJ 9/684.

<sup>17</sup> Kilmarnock to Chamberlain, 01.07.27 // Documents on British Foreign Policy. Ser. Ia. Vol. 3. P. 422.

Гийома и Тирар отмечали, что на оккупированной территории активность подобных обществ невелика по сравнению с остальной Германией, где они весьма многочисленны (ок. 6 тыс.). Однако после вывода с оккупированных территорий союзных войск такие общества начинают множиться и там, как произошло в бывшей Кельнской оккупационной зоне, эвакуированной в 1926 г.<sup>18</sup> Особенно тревожными в данном отношении были сведения о том, что в подобных стрелковых обществах активно участвуют немецкие националисты (организация «Стальной шлем» и др.), действовавшие, как намекала французская разведка, под патронажем рейхсвера<sup>19</sup>. В вопросах правил ношения оружия французские военные власти вообще занимали максимально жесткую позицию. Различные инциденты, вроде дебоша вооруженных нацистов в Сабрюккене в марте 1927 г., лишь усиливали подобный настрой<sup>20</sup>.

Вместе с тем негативный образ немцев не был абсолютно гомогенным даже в начале 1920-х гг. Он дифференцировался по четырем основным направлениям: национальному, социальному, политическому и религиозному.

Тезис о неоднородности немецкой нации – характерная черта французского политического дискурса после 1918 г. Население Рейнской области изображалось жертвой прусского милитаризма и унитаризма, подчеркивалась его культурная и религиозная самобытность, права на автономию, причем границы и формы этой области оставались неопределенными. Образ прошлой раздробленной Германии, когда, по выражению председателя Совета министров А. Мильерана, немцы были «наиболее разделенной нацией в Европе», служил Парижу ориентиром в поисках «противовеса влиянию унитарной и милитаристской Пруссии»<sup>21</sup>.

Идея помощи рейнскому населению в освобождении от «прусского или баварского шефства», сформулированная Тираром в октябре 1919 г.<sup>22</sup>, неоднократно бралась французским правительством и военными на вооружение, особенно в период оккупаций Рура в 1921 и 1923 гг. Дополнительную сложность, однако, вносило разнообразие самого автономистского движения в Рейнской области. Ставка французских властей на наиболее лояльных им и

<sup>18</sup> Note de Tirard, 14.02.27 - AN. AJ 9/684.

<sup>19</sup> Note de Tirard, 09.06.26 - Ibid.

<sup>20</sup> Note de Roussellier, 03.05.27 - Ibid.

<sup>21</sup> Millerand à Dard, 02.07.20 // DDF. 1920. T. 2. P., 1999. P. 220.

<sup>22</sup> Note de Tirard, 29.10.19 - AN. AJ 9/3774.

одновременно более радикальных лидеров сепаратистов, к примеру, бывшего офицера Г. Дортена, при отторжении более умеренных, но и более влиятельных сторонников автономии рейнских земель, в том числе обер-бургомистра Кельна К. Аденауэра, считавшегося слишком близким к официальному Берлину<sup>23</sup>, была сомнительной с точки зрения эффективности.

Особое значение в деле достижения рейнской автономии Тирар придавал сочетанию экономических (снижение тарифов для немецкого экспорта из оккупированных территорий во Францию; эмиссия отдельной рейнской марки и др.) и политических (изгнание прусских чиновников с рейнских территорий) методов<sup>24</sup>. Весной 1923 г., ожидая скорое окончание «пассивного сопротивления» в Руре и поражение Берлина, французский МИД и военные активно планировали создание Рейнского автономного государства, которое официально входило бы в состав Германии, но при нейтральном статусе под международной гарантией<sup>25</sup>. Провал сепаратистских проектов в период Рурского кризиса, когда образованные в конце 1923 г. Рейнская и Пфальцская республики оказались нежизнеспособными, и последовавший затем разворот в международной ситуации заставили отказаться от идеи борьбы против «прусской гегемонии».

Националистически окрашенный образ немцев сочетался у ряда французских политиков и военных с упрощенным анализом классового состава немецкого общества. И посол Лоран из Берлина, и сотрудники управления торговых отношений на Кэ д'Орсэ неоднократно подчеркивали в 1921 г., что за теми или иными действиями слабых немецких правительств на деле стоят интересы крупного бизнеса<sup>26</sup>.

Уже на ранних этапах оккупации французские власти столкнулись с двойной проблемой: с одной стороны, саботажем поставок угля немецкими властями и предпринимателями, с другой – угрозой забастовок рабочих. В ноябре 1919 г. Дегутт жаловался Тирару на невыполнение немецкими властями указаний по поставкам угля для оккупационных войск, одновременно опасаясь, что действия

<sup>23</sup> Tirard à Millerand, 21.02.20 // DDF. 1920. T. 1. P. 237.

<sup>24</sup> Tirard à Poincaré, 02.03.23 // DDF. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010. P. 294.

<sup>25</sup> Jardin P. Le Conseil Supérieur de la Défense Nationale et les projets d'organisation d'un État rhénan (mars 1923) // Francia. 1992. Vol. 19. № 3. P. 81–96.

<sup>26</sup> Note de Sous-direction des Relations commerciales, 05.11.21 // DDF. 1921. T. 2. Bruxelles, 2005. P. 512.



Берлина могут спровоцировать забастовки шахтеров в Рейнской области. Если для нейтрализации последствий аналогичных забастовок в неоккупированной Германии немецкое правительство заберет уголь с оккупированных территорий, оно тем самым вызовет там всплеск недовольства рабочих и населения<sup>27</sup>. В январе 1923 г. невыполнение Германией поставок угля в счет репараций стало одним из формальных поводов для ввода франко-бельгийских войск в Рур.

В период Рурского кризиса правительство Пуанкаре после долгих и тщетных надежд на решение этого вопроса с официальным Берлином все же решило к осени 1923 г. договориться об угольных поставках с рурскими магнатами, реально контролировавшими ситуацию на местах. Контракты, подписанные в октябре – ноябре 1923 г. франко-бельгийской миссией контроля за заводами и шахтами (МИКЮМ) сначала с концерном «Феникс», а затем и с более широкой группой рурских промышленников, были выгодны для Парижа, обеспечив ему стабильные поставки угля до конца 1924 г. и урегулирование вопроса о выплате немецким бизнесом налогов с произведенного сырья.

Если французские власти проявляли осторожность, играя на противоречиях между рурским бизнесом и официальным Берлином, то их подход к использованию противоречий между предпринимателями и профсоюзами оказался еще более умеренным. Даже в 1923 г. командование французской армии стремилось проводить срединную линию: с одной стороны, оно демонстрировало рурскому бизнесу свою готовность договориться с ним без потерь для промышленников, с другой – не желало идти ему на чрезмерные уступки за счет профсоюзов, что обострило бы социальную обстановку. Попытки одного из рурских магнатов, Г. Стиннеса, убедить Дегутта согласиться на удлинение рабочего дня для шахтеров в октябре, не увенчались успехом. Из-за вызывавших недовольство рабочих слухов об обсуждении этого вопроса по Дюссельдорфу даже разъезжали специальные французские военные машины, распространяя листовки с их опровержением<sup>28</sup>. Таким образом, и в период активной «рейнской политики» вариант расшатывания социальной ситуации за счет игры на противоречиях различных социальных групп представлялся французской администрации чересчур радикальным.

<sup>27</sup> Degoutte à Tirard, 16.11.19 - AN. AJ 9/818B.

<sup>28</sup> Feldman G.D. *Iron and Steel in the German Inflation, 1916–1923*. Princeton, 1977. P. 414.

Образ немцев дифференцировался французскими властями и в политическом отношении. Наиболее негативные коннотации вызывал крайне правый и монархический спектр немецкого общества, а также военные – именно они *par excellence* олицетворяли агрессивного-милитаристские тенденции, ассоциируемые с немцами. Пик подобных настроений во Франции пришелся на весну – лето 1920 г. – время Капповского путча и советского наступления в Польшу. Возможный «союз реакционной Пруссии и большевистской России» стал страшным сном для французских военных и дипломатов<sup>29</sup>.

Помимо военного переворота в Германии французы опасались восстановления там монархии. Какие-либо симпатии к Гогенцоллернам рассматривались Брианом как проявление «немецкой жажды реванша и влияния партии консерваторов и военных»<sup>30</sup>. Однако в тех случаях, когда розыгрыш «монархической карты» мог принести Парижу дивиденды, французские власти были готовы ее использовать. В апреле 1920 г. генеральный секретарь Кэ д'Орсэ М. Палеолог не исключал, что «восстановление монархии в Мюнхене могло бы быть лучшим средством для того, чтобы создать пропасть между Баварией и социалистической Пруссией»<sup>31</sup>. Высказывавшиеся во французском МИДе начала 1920-х гг. несколько туманные идеи некоей Дунайской федерации или объединения Баварии и Австрии сочетались с поддержанием определенных контактов с Габсбургами и с курсировавшей информацией о возможных связях бывшей императорской династии с баварскими Виттельсбахами<sup>32</sup>. Все это, однако, осталось на уровне проектов.

В целом, активизация правого и монархического течений в Германии или советско-германское сближение использовались Парижем как аргумент в пользу дальнейшего ужесточения позиции по отношению к Берлину. В ноябре 1923 г., реагируя на новость о возвращении в Германию из Нидерландов бывшего кронпринца Вильгельма, Фош призвал к расширению оккупации немецкой территории и, что он считал более важным, к действиям в Рейнской области и, возможно, в Баварии «с целью вывести местные власти из подчинения Берлину» – очевидный намек на более активный розыгрыш карты рейнского сепаратизма<sup>33</sup>.

<sup>29</sup> Bruère à Millerand, 31.03.20 // DDF. 1920. T. 2. P. 61.

<sup>30</sup> Saint-Aulaire à Berthelot, 25.04.21 // DDF. 1921. T. 1. P. 501.

<sup>31</sup> Paléologue à Millerand, 20.04.20 // DDF. 1920. T. 1. P. 544.

<sup>32</sup> Dard à Paris, 12, 16, 19.01.22 - MAE. Papiers Dard. Vol. 21 (PA-AP 053).

<sup>33</sup> Note de Foch, 15.11.23 - SHD. DAT. 4N 94. Dossier 4.

Усиление левоцентристского спектра немецкой политической жизни, напротив, представлялось французским политикам свидетельством внутренних трансформаций в Германии, снижавших предполагаемый градус ее агрессивности. В июне 1920 г. Мильеран напрямую связывал рост доверия Парижа к Берлину с «эволюцией Германии в направлении реализации демократических идей»<sup>34</sup>. Испытывая определенный скепсис в отношении немецких социалистов, Париж и французские власти на местах с большей симпатией относились к партии Центра: им нравилась как ее католическая социальная база, так и ее идеи в духе федерализма<sup>35</sup>. В целом, надежды на внутреннюю демократизацию Германии испытывали прежде всего французские левые и центристы (Э. Эррио, П. Пенлеве и др.). Либерализация бывшего рейха виделась им условием смягчения политики самого Парижа в Рейнской области и в отношениях с Берлином в целом.

Поиск факторов, дифференцировавших немецкое общество и открывавших возможность для Парижа играть на различных противоречиях, формировал и еще один аспект образа немцев, а именно – религиозный. Учитывая значимость католического фактора для ситуации на западе Германии, французские власти рассчитывали использовать его в собственных интересах. Весной – летом 1920 г. французский МИД и Мильеран питали большие надежды на развитие сепаратистского движения в католической Баварии, видя в ней «элемент равновесия», способный ограничить влияние Пруссии<sup>36</sup>.

Французские представители на местах, однако, видели ситуацию несколько иначе. В августе 1920 г. посланник Э. Дар докладывал из Мюнхена, что тенденции к федерализации Германии могут быть использованы Берлином для отказа от выполнения Версальского договора, воспринимавшегося как «конец независимого существования страны»<sup>37</sup>. В марте 1922 г., сообщая о многочисленных манифестациях в Баварии против французской политики, Дар констатировал иллюзорность популярных во Франции идей о некоей католической комбинации Австрии и Баварии при отделении последней от Германии<sup>38</sup>.

<sup>34</sup> Millerand à Laurent, 29.06.20 // DDF. 1920. T. 2. P. 203.

<sup>35</sup> Doulcet à Millerand, 15.06.20 // Ibid. P. 145.

<sup>36</sup> Millerand aux postes diplomatiques, 28.06.20 // Ibid. P. 191.

<sup>37</sup> Dard à Millerand, 31.08.20 // Ibid. P. 535.

<sup>38</sup> Dard à Paris, 09.03.22 - MAE. Papiers Dard. Vol. 21.

Тем не менее французские военные продолжали делать ставку на баварский сепаратизм и в 1923 г. В апреле, ожидая возможную внутреннюю трансформацию бывшего рейха, Дегутт считал, что чем больше противоречий возникнет между новыми образованиями на территории Германии, тем лучше будет для Франции: «католическая, монархическая и крестьянская Бавария» виделась ему «рядом с протестантской, социалистической и рабочей Саксонией» и с «буржуазной, умеренной Швабией, смешанной в религиозном отношении»<sup>39</sup>.

Полноценное разыгрывание католической карты Парижем наталкивалось, помимо динамики развития ситуации в самой Германии, и на сложности в отношениях с папским престолом. Несмотря на восстановление в 1920–1921 гг. дипломатических отношений между Парижем и Ватиканом, разорванных в 1904 г., взаимодействие французских представителей с Э. Пачелли, влиятельным папским нунцием сначала в Баварии, а затем в Пруссии, оставалось непростым. Тирар и поверенный в делах в Ватикане Ж. Дутьсе имели серьезные претензии к его кадровой политике по назначению епископов на влиятельные кафедры в Майнце и Трире, где выбор Пачелли, скорее, соответствовал надеждам Берлина, нежели французских властей<sup>40</sup>.

Дифференциация образа немцев по различным направлениям во многом служила французскому руководству концептуальной основой для вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь Германии и наиболее активно использовалась в период напряженности между Парижем и Берлином. После Локарно возможности французских властей в этом отношении резко сократились. Судьба активно развивавшихся ранее идей о «рейнской автономии» была в этом отношении особенно показательной.

После 1925 г. французские власти продолжали отслеживать пусть и уже значительно более слабое развитие автономистского движения среди рейнских деятелей, нередко находившихся в эмиграции. В апреле 1926 г. Тирар полагал, что, хотя «федералистское движение и управляется изолированными деятелями, их идеи обсуждаются и оказывают некоторое влияние на политику». Отдельно он подчеркивал благожелательное отношение Ватикана к подобным настроениям<sup>41</sup>.

<sup>39</sup> Цит. по: *Jeannesson S. French Policy in the Rhineland // Diplomacy & Statecraft. 2005. Vol. 16. № 3. P. 479.*

<sup>40</sup> *Siehl S.A. Weimar and the Vatican, 1919–1933. Princeton, 1983. P. 176–180.*

<sup>41</sup> Tirard à Briand, 14.04.26 - MAE. Série Z. Carton 959. Dossier 2. Vol. 49. F. 100.

В целом, однако, в условиях локарнской политики Париж думал уже не о возможностях федерализации Германии, а о том, как в ситуации примирения с официальным Берлином постараться сохранить лицо перед носителями «рейнских идей» – теми немцами, кто поддержал Францию в 1923 г. Эти люди, принадлежавшие к разным социальным категориям, от железнодорожников до полицейских, просили в середине 1920-х гг. у Парижа защиты от тех санкций, которые обрушились на них со стороны немецких властей. Их аргументация нередко совпадала с той, которую ранее использовали сами французские власти. «Берлин всегда рассматривал рейнцев как полуфранцузов. Подобные симпатии восходят еще к наполеоновской эпохе...», – писала в мае 1925 г. группа железнодорожников из Трира, пострадавших за сотрудничество с французскими властями в период Рурского кризиса<sup>42</sup>.

Французская сторона предпринимала в этом направлении определенные действия, зафиксировав в Лондонском протоколе августа 1924 г. право участников Рурского кризиса (за исключением тех, кто совершил действия, повлекшие чью-то смерть) на амнистию и пытаясь смягчить наказание или улучшить положение своих бывших сторонников<sup>43</sup>. Однако, писал Бриану в 1926 г. правый депутат Д. Ферри (племянник известного Ж. Ферри), выступавший защитником профранцузски настроенных жителей Рейнской области, «рейнцы, поддержавшие нас, затравлены один за другим, посажены в тюрьму, раздавлены и убиты»<sup>44</sup>. Сотрудничество в «духе Локарно» оказалось для официального Парижа важнее интересов своих бывших сторонников.

Еще одним важным элементом образа немцев в представлениях французского руководства было сочетание восхищения некоторыми чертами немецкого общества с чувством собственного культурного превосходства.

Если агрессивно-милитаристский образ немцев во французском политическом дискурсе в немалой степени оттенялся образом «благородной» и «миролюбивой» Франции, то представление о немецкой экономической мощи и организованности было для ряда французских деятелей примером для подражания. Одним из наиболее влиятельных политиков, отстаивавших подобные идеи,

<sup>42</sup> Note pour Tirard, mai 1925 - Ibid. F. 87.

<sup>43</sup> См., например, многочисленные документы по делу Ирмшера, одного из участников сепаратистского движения, в: Ibid. Ff. 13, 16, 24–25, 31 et al.

<sup>44</sup> Ferry à Briand, 08.05.26 - Ibid. F. 114.

был министр торговли и промышленности Э. Клемантель, критиковавший «чрезмерную любовь французов к индивидуализму» и считавший, что она «должна отступить перед необходимостью организации и объединения», олицетворяемых Германией<sup>45</sup>.

В подобных условиях Париж нередко пытался нейтрализовать экономическое превосходство Германии асимметричным способом: как за счет тогдашней военной мощи Франции, так и ставкой на притягательность французской культуры. Учитывая широкие полномочия французских властей в Рейнской области, французские бизнесмены, контактируя с ними, уже летом 1919 г. отправились на немецкие предприятия для заимствования немецкого опыта и технологий<sup>46</sup>. По указаниям из Парижа МВК стремилась сдерживать подобную активность. Однако той же цели служили визиты сотрудников экономических отделов комиссии, формально осуществлявшиеся для поиска оборудования, вывезенного ранее немцами с оккупированных территорий.

Силовое давление дополнялось при необходимости инструментами «мягкой силы». В марте 1920 г. Мильеран, скептически отреагировав на подчеркивание Тираром роли экономических методов «привлечения» Рейнской области к Франции, написал ему: «Если мы захотим завоевать [симпатии] этого населения, то, скорее, мы сможем достичь этого мерами морального характера»<sup>47</sup>.

Прошлый опыт службы Тирара в Марокко под руководством Лиотэ, придававшего немаловажное значение французскому культурному влиянию на местное население, также способствовал вниманию к средствам «мирного проникновения». Масштабная выставка французской живописи, начиная с эпохи Людовика XIV до современности, организованная в июне 1921 г. в Висбадене, должна была продемонстрировать немцам, по словам ее куратора Ш. Дювана, «настоящее лицо Франции», облагородив тем самым имидж оккупационной политики Парижа. Показательно, что выставка, очевидно, задуманная председателем МВК как элемент культурной пропаганды среди рейнского населения и критиковавшаяся в таком качестве немецкой прессой, в 1930 г. была представлена Тираром уже как пролог франко-германского культурно-

<sup>45</sup> *Kuisel R.F. Capitalism and the State in Modern France. Cambridge, 1983. P. 40.*

<sup>46</sup> *Chevalier à Tirard, 21.07.19 - AN. AJ 9/818A.*

<sup>47</sup> *Millerand à Tirard, 02.03.20 // DDF. 1920. T. 1. P. 286.*

го диалога в «духе Локарно»<sup>48</sup>. Как и сам образ немцев, история оккупационной политики реинтерпретировалась во французском официальном дискурсе нового периода.

Обобщая анализ оккупационной политики Франции в Рейнской области, можно констатировать сложное сочетание обстоятельств, обуславливавших ее конкретное содержание и наполнение. При доминировании стратегических и военно-политических факторов, определявших основные линии ее эволюции, концептуальная и дискурсивная основы такой политики были тесно связаны с тем образом немцев, что сложился ранее у французского руководства. Порожденный прошлой конфликтной историей, он, однако, менялся в зависимости от текущих интересов Парижа. Политика ослабления Германии в 1918–1923 гг. сопровождалась акцентированием негативных, агрессивных-милитаристских черт образа немцев, разыгрыванием «рейнской карты» и попыткой использовать католический фактор, повышенными опасениями относительно потенциального крена германского общества и государства вправо. После Локарно образ немцев постепенно начал меняться, хотя инерция прошлых представлений о «наследственном враге» оставалась весьма заметной, а возможности французских властей играть на внутренних противоречиях в немецком обществе резко сократились.

Эволюция и образа немцев, и оккупационной политики Франции в Рейнской области оставалась во многом противоречивой и незавершенной. Вариант жесткой линии в отношении Германии и «переформатирования» ее внутреннего устройства был наиболее близок к осуществлению в 1923 г., но не увенчался успехом. Сближение на основе «духа Локарно» после 1925 г. также осталось половинчатым: опасения французских оккупационных властей и военных по поводу «немецкой угрозы» уменьшились лишь частично, а достигнутые результаты примирения были весьма непрочными. В итоге, как подчеркивал один из проникательных современников в 1931 г., немецкий «протест против статус-кво, имевший место сразу после эвакуации Рейнской области, не обнадеживает. Мы надеялись, что эвакуация послужит успокоительным средством, но на деле она стала катализатором»<sup>49</sup>.

<sup>48</sup> *Kostka A.* Les Beaux-Arts et la «pénétration pacifique» des esprits – l'Exposition d'art français de Wiesbaden en 1921 // *Études Germaniques*. 2009. Vol. 4. № 256. P. 977–996.

<sup>49</sup> *An Aspect of International Relations* by R. Vansittart (May 1931) (in C.P. 317 (31)) - TNA. CAB 24/225. F. 132.

### Список литературы

- Никонова С.В.* Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг. М.: Наука, 1977 [Nikonova S.V. Ocherk evropejskoj politiki Germanii v 1924–1929 gg. M.: Nauka, 1977].
- Сорокин Н.Д.* Великобритания в решении «ключевых германских вопросов» в 1918–1923 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012 [Sorokin N.D. Velikobritanija v reshenii «ključevyh germanskih voprosov» v 1918–1923 gg. Diss. ... kand. ist. nauk. Ivanovo, 2012].
- Beaupré N.* Occuper l'Allemagne après 1918 // *Revue historique des armées*. 2009. № 254. P. 9–19.
- Documents diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne. Paris: Imprimerie Nationale, 1924.
- Documents diplomatiques français. 1920–1923. Paris–Bruxelles: P.I.E. Lang, 1997–2010.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. Ia. Vol. 3. London: HMSO, 1970.
- Feldman G.D.* Iron and Steel in the German Inflation, 1916–1923. Princeton: Princeton UP, 1977.
- Jardin P.* Le Conseil Supérieur de la Défense Nationale et les projets d'organisation d'un État rhénan (mars 1923) // *Francia*. 1992. Vol. 19. № 3. P. 81–96.
- Jeannesson S.* Poincaré, la France et la Ruhr 1922–1924. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 1998.
- Jeannesson S.* French Policy in the Rhineland // *Diplomacy & Statecraft*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 475–486.
- Kostka A.* Les Beaux-Arts et la «pénétration pacifique» des esprits – l'Exposition d'art français de Wiesbaden en 1921 // *Études Germaniques*. 2009. Vol. 4. № 256. P. 977–996.
- Kuisel R.F.* Capitalism and the State in Modern France. Cambridge: Cambridge UP, 1983.
- Le Naour J.-Y.* La Honte noire: L'Allemagne et les troupes coloniales françaises, 1914–1945. Paris: Hachette littératures, 2004.
- McDougall W.* France's Rhineland Diplomacy 1914–1924. Princeton: Princeton UP, 1978.
- Pénicaut E.* L'armée française en Sarre, 1918–1930 // *Revue historique des armées*. 2009. № 254. P. 20–28.
- Stehlin S.A.* Weimar and the Vatican, 1919–1933. Princeton: Princeton UP, 1983.



*Iskander E. Magadeev*

**THE IMAGE OF GERMANS AND THE REALITIES OF  
FRENCH OCCUPATIONAL POLICY IN RHINELAND  
(1918–1930)**

This article aims to explore influence of the image of Germans constructed by the French authorities on their policy in Rhineland after WWI. Using the new archival sources, author analyses how the French decision-makers in Paris and in places perceived the Germans, how the French aims and methods of their realisation evolved between 1918 and 1930, finally, what the underlying forces behind them were. However, strategic and political factors were decisive for the French occupational policy in Rhineland, the «image of the other» had an important impact on formulation and contents of specific decisions and their implementation.

*Keywords:* France, Rhineland, occupation policy, Tirard, Degoutte